

Евдокия Нагродская

Гнев Диониса

Источник: Нагродская Е. Гнев Диониса. - М.: Изд. группа "Прогресс" - "Литера", 1994.

Посвящается Елене Никандровне Клакачевой

День такой солнечный, веселый, а настроение мое отвратительное. Мне досадно, что я, никогда не болевшая, не лечившаяся, вот сегодня, сейчас, должна ехать на Кавказ для поправления здоровья. Терпеть не могу Кавказа. Везде лихорадка, а где ее нет - нет зелени и воды. Природа! Да чтобы полюбоваться красивым видом, сколько мук и неудобств натерпишься, Это не то, что в Швейцарии; хочу диких гор, вывороченных скал - вот тебе! Хочу улыбающихся долин! Хочу озер, рек - все есть. А тут как заладит однообразие, так на десятки верст, а еще эти десятки верст едешь на скверном жестком седле и все время думаешь, как бы не убили или не ограбили. А на травке фаланги, скорпионы...

Ни за что бы не поехала, если бы не это проклятое воспаление легких! Доктор решительно гонит на юг. Юг есть и в Европе, он и удобнее и дешевле, ох, как дешевле, но, видите ли, я там буду одна, а тут...

Это я еду познакомиться с семейством моего "будущего мужа".

Я прожила с Ильей пять лет душа в душу. Мы не могли с ним повенчаться только потому, что его первая жена, с которой он разошелся лет за восемь до знакомства со мной, не давала ему развода. Теперь она выходит замуж. Они разводятся, осенью я буду его законной женой. Это обязывает меня ехать знакомиться с его родными.

Мать, две сестры, брат-мальчик. Ведь это надо ко всем применяться, со всеми поладить, всем понравиться.

Конечно, не для меня: мне все равно, но для Ильи - он их так любит.

Как он страдал за эти пять лет, что не мог соединить нас, а теперь я еду к ним в качестве его невесты. Я буду в семье. За мной будет уход. Это его слова.

Постараюсь, постараюсь. Я умею нравиться людям, когда захочу, а я очень хочу, потому что это приятно Илье; он их так любит, а они на него молятся.

Хоть бы они мне понравились, тогда мне легче будет завоевать "неприятельскую крепость".

Я ведь отлично понимаю, что это именно "неприятельская крепость". Мое существование сначала игнорировали, потому, верно, под влиянием писем Ильи и его поездки к ним в прошлом году в письмах стали появляться официальные поклоны и пожелания.

Сестер я не боюсь! Но мать... Она знает наши отношения.

Я вдова, художница - значит, принадлежу к богеме. Между смертью моего мужа и знакомством с Ильей был период в три года, которые для нее темны, и любящая мать может населить его ужасами. Матери ревнивы.

Все это минусы, минусы.

Она любит Илью, как ребенка, и гордится им, как восходящим светилом.

Почем знать, не лелеяла ли она мечты приехать к нему в Петербург, нянчиться с сыном и греться в лучах его славы? И я отняла у нее это.

Когда он женился в первый раз, четырнадцать лет тому назад, еще студентом, она, верно, не так волновалась. Его жена была дочь ее хороших знакомых, восемнадцатилетняя институтка, с приданым... А что из этого вышло? Разошлись через два года! Хорошо, что детей не было, а то Илья бы и до сих пор терпел.

А я...

- Таня, родная, тебе нездоровится? - спрашивает Илья, наклоняясь ко мне.

Я вижу его красивое лицо, его ласковые серые глаза, развевающуюся золотую бороду, смеюсь и отвечаю:

- Нет, Зигфрид!

Зигфридом я его называю с тех пор, как одна из его поклонниц - среди учащейся молодежи у него много поклонниц - уверяла меня, что у Ильи наружность "героя скандинавской саги".

Наружность его многим нравится. Его высокая атлетическая фигура всегда выделяется в толпе.